

— СУЧАСНА ГОСТРОСЮЖЕТНА ПРОЗА —

Андрей
ВАЛЕНТИНОВ

АРГЕНТИНА

Книга 6

ЛОҶИ

Харьков
«Фолио»
2018

Мирлацванциг, троммельбаух¹

В полный голос, под звон цепей

Конвоир да баланда, кандалы да кирка,
А помрешь — ну и ладно, отпоют дурака,
В штольне трудишься раком, как у мамки внутрях,
А потом до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Жизнь сломала мне хребет:
Мирлацванциг, троммельбаух,
Унтервельт рибон рибет...

Полюбил я девчонку — один зад, две ноги,
Изменила девчонка, загуляла с другим,
Взял я стерву за сраку да в могилу запряг,
А потом до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Мы с дружкой гулевали на дороге большой,
Глянул я на привале — ни гроша за душой,
Снес дружка я к оврагу, прикопал хладный прах,
А потом до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Я ходил на корвете, был лихим морячком,
Вижу, кок Donnerwetter что-то трется бочком,
Лезет, гад, под рубаху, ну и сгинул в морях —
Мне же путь до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Мы сидели в борделе, один я, три жены,
Я с весны не при деле, очень деньги нужны,

---

¹ Текст песни «Мирлацванциг, троммельбаух» написан Олегом Ладыженским, за что автор ему чрезвычайно признателен.

Озверел с перетрашу, грохнул шлюху в дверях —
А потом до барака при шести козырях!

Фарта нет,
Конвоир да баланда, кандалы да кирка,
А помрешь — ну и славно, в рай возьмут паренька,
Будешь ангелом крякать, если с глоткой напряд,
И бегом до барака при шести козырях!

Эх, тот свет,
Даже тут мне фарта нет:
Мирлацванциг, троммельбаух,
Унтервельт рибон рибет...

Глава 1

Трое и Смерть

1

Смерть не брезглива, залитый осенним дождем окоп, тифозный барак, полярные льды — всюду Ей дорога, ничто не преграда. Никогда не спешит, никогда не опаздывает — и всем рада, даже упрямам, не желающим пройтись с Ней в последнем танце. Изредка Ей доводится приходиться и дважды, и трижды, отступать, отдергивать руку в белой перчатке от чужого плеча. Не беда, Она все равно возьмет свое.

Но чаще все случается просто, проще некуда. Белые стены, белый потолок, и белье на стеллажах тоже белое, желтый электрический свет, черные костюмы на мужчинах, что сидят возле небольшого стола. Зеленая бутылка, хрустальные рюмки, на указательном пальце того, что справа — тяжелый перстень с красным камнем. «Прозит!» сказано, настал миг первого, самого сладкого глотка.

Нет, не суждено!

— Рдах! Рдах! Р-рдах! — прямо с порога, навскидку.

Смерть уже здесь, костлявые худые руки в белых бальных перчатках бережно подхватывают первого, того, что с перстнем. Испугаться он не успел, слишком все быстро. Удивиться — тоже, и покорно, без единого лишнего слова закружился в прощальном вальсе.

Раз-два-три... Раз-два-три... Раз-два...

Смерть улыбнулась во весь желтый оскал. Видишь, как все просто, милый? Не понял, что случилось? Ничего, скоро поймешь. Объяснят, все, как есть, растолкуют!

Раз-два-три...

Перемена, поворот, обратная перемена, шассе, снова поворот, перемена. Вальс, вальс, вальс...

— Рдах! Р-рдаум!

Пальцы в белом шелке разжались, отпуская партнера во тьму. Прощай, навсегда прощай!

Второй!

Смерть протянула руки, но сидевший слева уклонился. Пули ударили в стену, осыпая стол мелкой серой пылью. Человек успел вскочить, податься в сторону... Больше ничего не успел.

— Р-рдах!

И — белые перчатки на присыпанной пылью ткани пиджака. Смерть улыбнулась:

— Ты обычно танцуешь с мужчинами, милый. Но этот танец — мой!

В широко открытых глазах — ужас темным огнем. Плеснул, отзываясь негромким последним стоном. Погас...

— Нет! Не-е-ет! Не...

Смерть не спорила. Вальс! Раз-два-три... Раз-два-три...

Двое, стоявшие у порога, переглянулись. Тот, что постарше, кивнул и спрятал пистолет. Негромко хлопнула дверь.

Простой случай...

Смерть, отпустив второго партнера во тьму, шагнула следом. Еще не все, работа не сделана. Черный безвидный сумрак истончился, открывая огромный белоколонный зал под звездным куполом неба. Музыка стала громче, невидимый дирижер негромким холодным голосом отсчитывал такт:

— Раз-два-три! Раз-два-три! Раз-два-три!

Смерть задержалась на миг, а потом прошла в темный промежуток между колоннами. Партнер был уже там — невысокий светловолосый парень в мятом костюме. Засохшая кровь на щеке, упрямо сжатые губы, стальные наручники на запястьях.

Трудный случай...

— Мы снова встретились, Никодим! — Смерть протянула руку, оскалилась. — Никуда ты от меня не делся. И не денешься! Ну что, пойдём? Ты должен мне танец.

Губы того, кто стоял между колоннами, беззвучно дрогнули. На малый миг нестойкая колдовская явь, сгинула, сменившись серым полумраком. Серая известка стен, зарешеченное окошко под самым потолком, железные нары, столик, жестяная кружка на нем.

— Все движется по кругу. Снова тюрьма, снова допросы, снова тебя будут пытаться. Чего ты ждешь, мой Никодим?

Губы упрянца вновь дрогнули.

— Не дож-дешь-ся!

Смерть, ничуть не обидевшись, погладила будущего партнера по плечу:

— Дождусь! Ты удивишься, Никодим, но некоторые мне рады. Ничего, поймешь. Скоро поймешь!

И обрушила звездный купол, оставляя землю далеко внизу. Смерти ничто не преграда, даже небо. Металлическая сигара «цепелина», узкая, двоим не разойтись, каюта, девушка под легким шерстяным одеялом. Глаза закрыты, но веки беспокойны. Что-то видит... Смерти ничего не стоит войти в чужой сон, однако Она не спешила. Еще не время...

Мужские имена Смерть не помнила и не пыталась запомнить. С женщинами — иначе. Крестильное имя помянут на Суде, фамилии место на надгробном камне. Но имя с фамилией — еще не все.

Смерть наклонилась над той, что лежала на койке пассажирской кабины первого класса дирижабля проекта LZ130, но прежде чем позвать, поправила сбившееся на сторону одеяло. Красивая девочка...

— Худышка! Мисс Худышка!..

2

Живот заболел как-то внезапно. Вначале булькнуло, забурчало, а потом слева над пупком возникла пульсирующая злая точка, словно шилом укололи. От неожиданности Хорст даже остановился, ладонь полезла под пиджак, новый, второй лишь раз надетый, но невидимое шило уже исчезло. Можно все забыть и шагать себе дальше коридором, но идти внезапно расхотелось. Молодой человек, удивившись еще больше, оглянулся для верности. Сзади — пусто, двери закрыты, неярко светят электрические лампы под потолком. Ночью в служебном крыле «Адлона» не слишком людно, особенно здесь, в коридоре за прачечной. Народ набегит утром, когда его, случайного гостя, след давно уже простынет.

Даже если увидят, не беда. Заплутал, спутал лестницу, повернул не туда. Еще и дорогу укажут.

...А живот заболел после ужина в здешнем ресторане. Всем «Адлон» славен, а вот кухня подгуляла. Зря он бременский салат заказал! Селедка с апельсиновым соком — адская смесь.

Живот вновь забурчал, и Хорст Локенштейн прижал полу твидового пиджака ладонью. Ерунда! И кухня здесь приличная, и салат приготовлен нормально, по всем кулинарным правилам.

Назад! Прочь отсюда! Бегом!..

Совсем рядом, в шаге — зеркало, высокое, во весь рост, в толстой деревянной раме. Хорст резко выдохнул, подошел, не думая, достал из бокового кармана расческу. Изображение без особой охоты повторило все движения, хотя и, как ему почудилось, с легкой заминкой. Расческа ни к чему, только вчера из парикмахерской, стрижка «Ргерру», волосок к волоску. И костюм в порядке, и галстук, шелковый, светло-синий, по последней моде, завязан по всем правилам. Красавец, хоть на студию «UFA» отправляй.

Если бы не лицо. Тот, кто смотрит из зеркала, явно испуган. С таким на дело не пойдешь.

* * *

Дело намечалось верное — залетные «янки», пожилая богатая парочка с кучей чемоданов, негром-служгой и двумя собачками. Свои драгоценности американка в первый же день положила в гостиничный сейф, но сегодня днем взяла их обратно. Если верить глазастым горничным, гости Берлина получили приглашение в узком белом конверте, но этим вечером никуда не пошли. Значит, завтра.

Все прочее Хорст надеялся узнать прямо сейчас. До нужной двери — всего два десятка шагов. Ганс Штурр, верный поделщик, ждет в бельевой. В прошлый раз, год назад, с его помощью удалось изрядно навариться. Шум был немалый, что ни говори, «Адлон» — лучший отель Берлина, но постепенно все утряслось и забылось. Значит, пора вновь на охоту.

...Или все-таки лучше уйти? Прямо сейчас, поправив чуть сбившийся на сторону галстук?

Хорста Локенштейна считали счастливым. Пять лет в деле и ни одного ареста, даже свидетелем не вызывали. И кто заподозрит? Изящный, молодой человек, по последней моде одетый, улыбочивый, с прекрасными манерами. И не «жиголо», с дамами знакомится редко, без всякой охоты.

Локи...

Фамилия, потеряв «хвостик», стала кличкой. О скандинавском боге хитрости и обмана Хорст узнал еще в гимназии и тогда же уловил сходство. Сын Фарбаути и Лаувейи тоже горазд на всякие выдумки.

Уйти?

Локи не верил в случайности, даже если речь шла о плохо приготовленном салате. Еще час назад все было в порядке, он это чувствовал. Значит, что-то изменилось. Но что?

Коридор пуст и тих. Даже если в бельевой комнате полицейский наряд, предъявить ему нечего. Ни одной бумажки, ни одного лишнего свидетеля. Со Штурром они говорили один на один, если что — отопрется. Знать ничего не знаю, господин криминальберассистент, и ведать не ведаю!

С тем он успокоился. Даже если Штурр, старый приятель, и залетел по неведомо какой глупости, ему, Хорсту Локенштейну 22-х лет от роду, уроженцу маленького городка Тильзит, что в Восточной Пруссии, несудимому, арийцу, подданному Рейха, гостиничному вору экстра-класса, бояться нечего. В крайнем случае до утра придется поскучать в районном комиссариате, отвечая на все вопросы «нет», «нет», «не знаю», «не видел». Если же повернет назад, сорвется верное дело, именно сейчас, когда в карманах пусто-пустынно. И попадаться Штурру не с чего, сам на дело никогда не ходит, наводчика же поди вычисли!

Перед тем, как отойти от зеркала, Локи глубоко вздохнул. Нет, ничего не болит, там, где торчало шило — маленький острый кусочек льда.

Вперед!

Прежде чем постучать в нужную дверь он в очередной раз оглянулся. Все тихо, все спокойно. Повернул медную дверную ручку, порог переступил.

— Ганс! Это я...

Не договорил — в ноздри ударил густой дух крови и пороха. Так ничего и не увидев, Локи попятился, но дверь, что напротив с резким скрипом распахнулась. Удар был точен — прямо в затылок. Уже когда падал, ему почудилось, будто где-то совсем рядом невидимый оркестр заиграл вальс. Локи успел удивиться...

Темно...

* * *

Хорст Локенштейн не слишком опасался ареста. Каждое дело готовил тщательно, выверяя все детали, с собой же звал только самых-самых надежных, многократно проверенных. По мелочам не работал, шуба в гардеробе отеля — не его уровень. К тому же пропавшую шубу станут искать в тот же день, а бриллиантового кольца, подмененного на копию из стразов, могут и через месяц хватиться. Помешать способна лишь случайность — или хорошо, с умом, спланированная полицейская засада. Но парням из «крипо» сейчас не до отелей. Великий фюрер Германского народа Адольф Гитлер обещал изгнать преступность с улиц немецких городов. Карманников, незадачливых грабителей и просто пьяных хулиганов отправляли в Дахау под всеобщий глас одобрения. А в последнее время участились облавы на несознательную молодежь: «свинг-югенд», любители американского джаза, «шлурфы», «шлурф-кошки» и прочие идейно невыдержанные. На каждого — протокол, к каждому — персонального следователя. Таких, как Локи, тоже, конечно, искали, но без всякого азарта. Не убийца же он, в конце концов! Ну, кольцо, ну, сережки с изумрудами, ну, топазовая диадема из чемодана залетных «янки». Сущая мелочь — если сравнивать с величием Рейха.

Даже если старину Штурра раскололи и ссучили, все равно отвертеться можно. Преступление — это одно, намерение же — совсем иное. Читывали кодекс, знаем!

— Нет! Нет! Не-е-ет!

Двое держали за плечи, третий выворачивал карманы, а он все повторял и повторял, надеясь, что ему чудится. Да, чудится! Труп Ганса Штурра в луже крови прямо посреди бельевой, еще один —

возле стены, а прямо под ногами, на полу — «парабеллум», обведенный толстой меловой чертой.

— Нет! Не-е-ет!

Полицейских четверо, трое в форме, один в расстегнутом пальто и котелке. На столе — бланк протокола, ручка с золотым пером, рядом — большое увеличительное стекло.

Вспышка! Еще одна!

Фотограф, опустив аппарат, кивнул тому, что в пальто. Криминальнинспектор Шульц — это он уже успел запомнить. Пальто дорогой ткани, пухлые щеки, усики, как у фюрера...

— Герр...¹ Герр криминальнинспектор! Я даже в комнату войти не успел, меня сзади ударили. Герр криминальнинспектор, зачем мне кого-то убивать?!

Полицейский задумчиво поглядел на пистолет.

— Не убивали, значит? И «пальчики» на оружии не ваши?

Повернулся, ударил взглядом.

— А если найдем?

Локи перевел дух. Слава богу! Пусть ищут, пусть хоть носами роют, никаких «пальчиков» тут нет и быть не...

Острое шило вновь укололо уже не в живот, прямо в печень. Хорст замер. Его отпечатков на «парабеллуме» в самом деле нет, точнее не было и быть не могло. Но после удара он потерял сознание, а если так, то все прочее — дело техники. Вложить пистолет в руку...

Он поглядел на левую ладонь и увидел большое кровавое пятно. Попытался вытереть о брюки, но стоявшие по бокам полицейские не позволили.

— Кровь мы уже зафиксировали, — кивнул криминальнинспектор. — Признавайтесь, Локенштейн, снимите грех с души. Может и зачтется, если не на суде, то у святого Петра. Ну?

— Я не виноват! Не винова...

Договорить не успел — кулак врезался в живот, точно туда, куда укололо шило.

---

¹ Здесь и далее. В некоторых случаях обращения «мадемуазель», «мадам», «мистер» «миссис», «герр», «фройляйн», «фрау», «камрад», «сопрагно» оставлены без перевода.